

БИБЛИЯ КАК МИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО

Библия выступает образцом парадоксального единства материального и идеального, субъекта и объекта, бытия и сознания. Так П. А. Флоренский исходил из признания разума причастным бытию, а бытия – причастным разумности. Он полагал, что в "мистическом переживании субъект знания и объект знания суть едино". В.Н. Лосский считал, что Библия, как образец мистического единства идеального и материального, представляет собой смысловой континуум; события там "развертываются по законам той логики, которая не отделяет конкретного от абстрактного, образа от идеи, символа от символизируемой реальности".

В этой связи понятным становится смысл изречений из Библии, согласно которым "Если кто из вас думает быть мудрым в мире сём, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом" (1 Кор. 3, 18); "... Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное" (1 Кор., 1, 27)

Подвиг юродства почитаем как в славянской, так и в индоарийской среде не только потому, что юродивый воспринимается как выразитель Божьей воли. Юродивый почитается и как страдалец, существующий в эсхатологическом предвкусении "конца света" и бросивший вызов миру, который "лежит во зле" и жить в котором с честью и с достоинством возможно только принимая страдания, открывающие путь в духовные сферы Вселенной.

Такое понимание страдания, воспринимаемое славянской душой как результат особого Божественного дара, идет вразрез с рациональными установками западного ума, который известные библейские слова Господа о том, что "кого Я люблю, тех обличаю и наказываю" (Откр. 3, 15-19) трансформирует в английском переводе в "тех, кого Я люблю, Я упрекаю и дисциплинирую"¹.

Таким образом, принцип целостности призван примирить концептуально настроенных друг против друга представителей различных направлений человеческой мысли, враждующих друг с другом помимо прочего и в силу самой природы мышления, ибо всякий продукт человеческой мысли в своей сущности глубоко антиномичен, противоречив, поскольку утверждая нечто одно, мы в связи с этим в то же самое время отрицаем нечто другое, и наоборот, что реализует "механизм поиска Истины": как писал П. А. Флоренский, безусловность Истины с формальной стороны в том и выражается, что она загода допускает и принимает свое отрицание и отвечает на сомнения в своей истинности через принятие в себя этого сомнения... Истина является антиномией и не может не быть такой"².

Нечто подобное мы встречаем у Н. Бора, полагавшего, что *так называемые "глубокие истины" есть такие утверждения, когда противоположные им утверждения также содержат глубокую истину*: "дерево, достигающее своими ветвями небесных высот, должно уходить своими глубочайшими корнями до глубин ада" (Ф. Ницше).

Это Целое В.С. Соловьев называет *Логосом*, когда пишет в труде "Жизненный смысл христианства", что "первенство бытия принадлежит не отдельным частям, а целому. Безусловно, первоначально и источник всякого бытия есть абсолютная целость всего сущего, т. е. Бог. Эта-то целость всего, пребывающая сама в себе в неизменном покое вечности, открывается и проявляется во всеединяющем смысле мира, так что этот смысл есть прямое выражение или слово (*Logos*) Божества – явный и действующий Бог". Отсюда проистекает тезис, который В.С. Соловьев формулирует так: "Логос, или Божество, становится смыслом жизни самого человека и вместе с тем принципом мирового всеединства... божественное всеединство есть живая личная сила, а не идея как предмет созерцания ума... первый природный человек есть истинный Бог, потому что в нем существо божие, составляющее истинный смысл всего существующего, впервые явилось самим собой, показало себя тем, чем оно есть безусловно".

Поэтому наличие у человека жизненного смысла предполагает понимание мира как единства в многообразии, как интеграции множественного в Целое, когда в этом Целом сплавляются в едином комплексе не только разрозненные предметы и явления, но и жизненные события, имеющие как информационно-фактологическую, но и ценностно-моральную составляющие. В этом понимании мир раскрывается нам не только как "распаковка смыслов" (В. В. Налимов), но и как бытийная сфера, в которой моральное и фактологическое пронизывают и обуславливают друг друга, а поведение человека во всем множестве физиологических отправлениях его организма, психологических и личностных нюансов мышления обнаруживает связь с поведением всех других людей и вообще, со всеми событиями Вселенной. Поэтому не только эмоции, но мысли каждого из нас оказываются в универсальной связи со всем сущим, а человек при этом встречает кармические последствия не только результатов собственных поступков, но и своих эмоциональных и ментальных состояний (когда он может *"грешить в мыслях"*).

Однако прежде чем человек дойдет до такого целостного восприятия действительности, он должен завершить определенный цикл своей спиралевидной поступательной эволюции – сформировать, а затем преодолеть на более высоком диалектическом уровне развития эгоцентрический дискретно-атомизированный дух своего логического мышления (порождающий, согласно Н.О. Лосскому, "психоматериальное царство относительно непроницаемых форм"), трансформировать его в творческое мышление, воссоединившись с сакральными источниками своей природы, возродив при этом детское (и дикарское) наивное и творческое восприятие мира как органичного единства, в котором все имеет

¹ "Those whom I love I rebuke and discipline..."; "I correct and discipline those whom I love, so be serious and repent!" (Revelation 3:19) – King James Bible (Cambridge Ed.)

² П. А. Флоренский так писал об антиномичности рассудочных представлений: "за что бы мы ни взялись, – рассуждал он, – мы неизбежно дробим рассматриваемое, раскалываем изучаемое на несовместимые аспекты, к положениям, несовместимым в нашем рассудке. Только в момент благодатного озарения эти противоречия в уме устраняются, но не рассудочно, а сверхрассудочным способом. Антиномичность вовсе не говорит: "Или то или другое не истинно", не говорит также "ни то, ни другое не истинно". Она говорит лишь: "И то, и другое истинно, но каждое по своему; примирение же и единство – выше рассудка".

душу и может мыслить ("психизация действительности" представителями древних цивилизаций), а всякая мысль такого человека при этом неотделима от действия (как это бывает у дикарей и маленьких детей: П. А. Флоренский, отмечая задачу развития человека в соединении мистика и аналитика в одном лице, предупреждал об опасности, таящейся в движении только лишь по мистическому или аналитическому жизненному пути, а йога учит о том, что *каждая мысль человека должна быть прочувствована, а каждое чувство должно быть осознанным*). То есть такой гармоничный человек, воплотивший в себе связь времен, интегрировавший в себе художника и мыслителя, мистика и аналитика, должен *"спуститься вниз по лестнице, ведущей вверх"*, прийти к восприятию мира как некоего сверхценного интегрального единства в виде Абсолюта – единственного основания Вселенной, которая в силу этого только и может быть единой и целостной.

Таким образом, вера в Бога и вера в единство мира есть вещи взаимосогласующиеся. Более того, существует **универсальный критерий нравственной оценки человека**, связанный с его отношением к всеобщему смыслу бытия и к тезису о справедливости мира. Если человек понимает и принимает реальность как целесообразное и справедливое мироустройство – он любые факты будет рассматривать под этим углом зрения, и особенно ему будет импонировать информация, выражающая всеобщие – органичные, гармоничные, смыслокристаллизующие – связи, в том числе и связи между явлениями нерядоположными, относящимися к разным и часто противоположным аспектам реальности. Такое мирозерцание предполагает наличие парадоксально-диалектического, творческого, целостного миропонимания, не боящегося противоречий и отмечающего **одномерно-однозначную стратегию познания**, реализующую, как писал Виктор Франкл, шизоидный вектор развития человека, который в своем воображении и мышлении атомизирует и расщепляет мир, разделяет его черное и белое, на своих и чужих. Такой шизоидный строй сознания Макс Вебер назвал математически ориентированным, дробящем реальность на фрагменты мышлением, изгоняющим смысл из нашей жизни и базирующимся на шизоидном идолопоклонническом отношении к технике, что приводит к омертвлению человеческой души. В противовес этому **понимание мира как органичного целого** предполагает привлечение категории Абсолюта, через ценностно-мировоззренческую, гносеолого-онтологическую призму которого только и возможно воспринимать мир как целостный, гармоничный, многомерный и лучший из всех возможных миров, ибо наш мир, устроенный по антропо-рефлексивному принципу, иницируется человеческим отношением к этому миру: как писал Артур Шопенгауэр, мир есть зеркало, и если в него смотрит осел, он сможет увидеть там только осла. Предложенный критерий оценки развития нравственного сознания человека в известном смысле выступает **всеобщим водоразделом**, дифференцирующим человеческие существа на тех, которым "когда Бога нет, то все дозволено", и на людей, которым дозволено только то, что входит в контекст Божественного промысла. Данный критерий, выступающий лакмусовой бумагой для определения ценностно-мировоззренческой ориентации человека, позволяет судить о ней по его реакции на специфическую (критериальную) информацию – информацию о смысле как **цели и целом**.